

### III

верования в ту божественную власть, на которой основаны все земные власти; он доказывает им чисто человеческое происхождение всех правительств; в заключение, не останавливаясь на обсуждении основ государства, уже осужденных общественной нравственностью, каковы физическое превосходство, насилие, дворянство, богатство и проч., он не оставляет камня на камне и в Кантовской теории передачи управления в руки ученых. Действительно: предположим даже, что среди конфликта честолюбий и интриг было бы возможно распознать, кто мнимые и кто настоящие ученые; допустим, что была бы найдена такая система выборов, при которой власть была бы передана в руки людей, обладающих истинным знанием; какую гарантию мудрости и честности управления могли бы они предложить нам? Никакой! Наоборот, почти с уверенностью можно сказать, что эти новые хозяева предались бы тем же самым безумствам и тем же самым преступлениям, как и прежние. Это произошло бы, во-первых, потому, что наука не есть нечто законченное: она постоянно развивается, и нынешний ученый не более как невежда для завтрашнего дня. Пусть он только раз вообразит, что достиг предела совершенства, и одной этой причины достаточно, чтобы он спустился ниже только что родившегося ребенка. Но даже если бы ему и удалось познать истину в самой ее сущности, получив власть, он неизбежно потребил бы ее во зло. Чтобы утвердить свое господство, он должен стараться, подобно всякому главе государства, задерживать жизнь масс, движущихся ниже его, держать их в невежестве, чтобы сохранить спокойствие, и постоянно унижать их, чтобы управлять ими с более высокого трона.

Впрочем, с тех пор, как на свете появились „доктринеры“, настоящие или мнимые гении не раз брали уже в свои руки управление скипетром мира, и мы знаем во что это нам обошлось. Мы видели их за работой, всех этих ученых; они были тем суровее, чем больше они учились; тем уже в своих взглядах, чем

больше времени они посвятили всестороннему изучению какого-нибудь единичного факта;—без всякой жизненной опытности, потому что они долгое время не знали другого горизонта, кроме стен своего кабинета; они отличались ребяческими причудами и детским тщеславием; были неспособны к серьезной борьбе и никогда не могли научиться распознавать истинное соотношение вещей.

Не были ли мы недавно свидетелями основания целой школы „мыслителей“, — niskих льстецов и людей неопрятной жизни, которые построили целую космогонию ради своей собственной выгоды? Согласно их теории, миры были сотворены, общества развивались, революции опрокидывали обветшавший строй, государства погибали в крови, нищете и болезнях только для того, чтобы выдвинулся какой-нибудь избранный из академиков, для пышного расцвета которого все остальные люди — не более как удобрение. Все другие человеческие существа обречены на смерть для того, чтобы эти джентльмены сделались бессмертными!

Но можем быть спокойны: у всех этих академиков не найдется смелости Александра, разрубившего мечом Гордиев узел. Управление при помощи науки сделалось теперь также невозможно, как и управление при помощи божественного права, богатства или грубой силы. Все власти обречены отныне на бесжалостную критику. Люди, в которых зародилось чувство равенства, не потерпят более, чтобы их управляли; они научатся сами управлять собою. Свергнув с высоты небес родоначальника власти, люди свергнут также всех тех, кто царствовал его именем. Этом сущность грядущей революции. Государства должны разрушиться, чтобы дать место новому строю, в котором, как любил говорить Бакунин, „человеческое“ правосудие будет заменено божественною справедливостью“. И для этого грядущего обновления ни один из революционеров в мире не сделал так много, как сделал Михаил Бакунин.

---

## БОГ И ГОСУДАРСТВО.

Три элемента или три основных принципа составляют в истории главное условие всякого человеческого развития, как коллективного, так и индивидуального: 1) животная природа человека, 2) мысль и 3) дух возмущения. Сферой первого элемента являются социальные и частные экономические отношения, сферой второго — наука, третьего — свобода.

\* \* \*

Идеалисты всех школ, аристократы и буржуа, теологи и метафизики, политики и моралисты, исследователи религий, философы и поэты, а также и ученые эгоисты, — необузданные поклонники идеала, как нам известно, — очень оскорбляются, когда им говорят, что человек с его могучим умом, возвышенными идеями, с его безпредельными стремлениями, подобно всему существующему в мире, есть не более как продукт грубой материи.

Мы можем видеть, что материя, о которой говорят материалисты, материя самопроизвольно и вечно движущаяся, активно превращающая химическую энергию в динамическую, материя, проявляющая себя в миллионных комбинаций механических, физических, животных и разумных сил, — что эта материя не имеет ничего общего с грубой материей идеалистов. Последняя, продукт их ложных теорий, действительно глупая, бессдушная, инертная вещь, неспособная дать рождение малейшему творению, *carpe mortuum* — уродливая фантазия, придуманная только для контраста с другой, прекрасной фантазией, которую они называют Богом. Как противоположность этому высшему существу, материя, — их материя, — лишенная ими всего, что составляет истинную природу, неизбежно должна представлять

величайшее ничтожество. Они отняли у материи разумность, жизненность, все ее существенные качества, активные соотношения сил, самое движение, без которого материя не имела бы даже веса. Не оставив ей ничего, кроме непроницаемости и абсолютной неподвижности в пространстве, все эти природные силы, свойства и проявления они приписали воображаемому существу, созданному их отвлеченной фантазией; затем, переменяя роли, они назвали этот продукт своего воображения, этот фантом, этого Бога (который есть ничто) „Вышним Существом“, и как необходимое следствие отсюда, объявили что действительная реальность, материя, мир,—есть ничто. После этой глубокомысленной манипуляции, они серьезно говорят нам, что эта материя неспособна произвести ничего, неспособна даже придти сама собою в движение, и следовательно должна была быть сотворена Богом.

Кто же прав, идеалисты или материалисты? Раз этот вопрос достаточно выяснен, колебание делается невозможным. Несомненно, идеалисты неправы, а материалисты правы. Да, факты стоят впереди идеалов; идеал как сказал Прудон, не более как цветок, корень которого лежит в материальных условиях жизни. Да, вся история человечества, интеллектуальная и моральная, политическая и социальная, не более как отражение его экономической истории.

\* \* \*

Все отрасли современной науки, истинной и бескорыстной науки, с полной солидарностью провозглашают одну великую и непреложную истину: социальный мир, собственно говоря человеческий мир или человечество—есть не что иное как высшее развитие, высшее проявление животного мира, по крайней мере, на нашей планете, поскольку мы знаем. Но так как всякий процесс развития приводит в конце концов к логическому отрицанию своих основных предпосылок, то и развитие человечества есть последовательное и неуклонное освобождение от элементов животности. И именно в про-

цессе этой эволюции от животного к человеческому, как естественное и логически, и исторически необходимое его следствие, и возникает мир идей, мир интеллектуальных и нравственных убеждений, — создаются руководящие идеалы.

Да, наши первые прародители, наши Адамы и Евы были если не гориллы, то очень близкие родственники горил, всеядные, разумные и свирепые животные, одаренные в большей степени чем животные других пород, двумя драгоценными способностями — способностью мыслить и склонностью к протесту, к бунту, к революции. Многообразные комбинации этих двух способностей и составляют движущую силу исторического процесса, ведущего к полному торжеству человеческого начала над животным.

Библия, очень интересная и местами очень глубокая книга, если ее рассматривать как одно из древнейших проявлений человеческой мудрости и фантазии, очень наивно выражает эту истину в своей мифе о первородном грехе. Егова из всех богов, которым поклонялись люди, несомненно самый завистливый, самый тщеславный, самый свирепый, самый несправедливый, самый кровожадный, самый деспотичный и самый враждебный человеческому достоинству и свободе, — Егова создал Адама и Еву, чтобы удовлетворить неизвестно какому капризу, может быть для того, чтобы иметь нескольких рабов. Егова великодушно предоставил им распоряжение над всем, со всеми его плодами и животными, и только одним ограничил полноту радости жизни: он строго запретил им прикасаться к плодам древа познания. Следовательно, он желал, чтобы человек, лишенный всякого познания самого себя, вечно оставался животным, вечно лазил на четвереньках перед Богом „жирым“, своим творцом и господином.

Но тут вступается Сатана, вечный мятежник, первый свободный мыслитель и эмансипатор миров. Он заставляет человека устыдиться своего животного невежества

и своей покорности; он эмансипирует человека, побуждая его ослушаться и вкусить плода познания.

Мы знаем, что было дальше. Милосердный Бог, всеведение которого, составляющее одно из божественных свойств, должно было предупредить его о том, что совершилось, впал в страшную и смешную ярость; он проклял Сатану, человека и созданный им самим мир, поражая, так сказать, самого себя в своем творении, подобно тому, как поступают дети, когда рассердятся, и, не удовольствовавшись тем, что покарал наших прародителей, он проклял их во всех грядущих поколениях, неповинных в преступлении, совершенном их предками. Наши католические и протестантские богословы находят этот поступок очень глубокомысленным и справедливым именно потому, что это чудовище несправедливо и нелепо. Затем, вспомнив, что он не только Бог мести и гнева, но также и Бог любви, — после того, как напомнил мучениями жизнь нескольких биллионов бедных человеческих существ и осудил их на вечные муки ада, он сжалился над остальными и, чтобы спасти их и примирить свою вечную божественную любовь с вечным божественным гневом, постоянно жаждущим жертв и крови, он послал в мир, в виде искупительной жертвы, своего единственного сына для того, чтобы он был убит людьми. Это называется тайной Искупления. Эта тайна положена в основу всех христианских религий. Еще если бы божественный Спаситель спас весь род человеческий! Но, нет, в обещанном Христом раю, как мы знаем, число избранных будет очень невелико. Остальные, огромное большинство теперешних и грядущих поколений, будут вечно гореть в аду. А пока, чтобы утешить их, всеправедный и всеблагий Бог вручает власть над землею Наполеонам Третьим, Вильгельмам Первым, Фердинандам Австрийским и Александрам Всероссийским.

И такие нелепые сказки, такие чудовищные доктрины преподаются при полном свете девятнадцатого

етолетия во всех народных школах Европы по особому приказу правительства. Они называют это народным просвещением! Не ясно ли, что все правительства суть систематические отравители, корыстные мракобесы, насильники народной мысли?!

Таковы <sup>эти</sup> низкие и преступные средства, которые они употребляют для того, чтобы держать народы в вечном рабстве, и беспрестанно сдирать с них шкуру. Что значат преступления всех Тропманов в мире по сравнению с этим преступлением измены человечеству, совершаемым среди белого дня на всем пространстве цивилизованного мира теми, кто смеет называть себя отцами народа?

И однако в мифе о первородном грехе Бог соглашается, что Сатана был прав: он признает, что диавол не обманул Адама и Еву, обещая им знание и свободу в награду за проступок послушания, который он их склонил совершить, так как непосредственно после того, как они вкусили запрещенного плода, сам Бог сказал (см. Библию): „И вот люди сделались как боги, знающие добро и зло; и так не допустим их вкушать плоды вечной жизни, чтобы они не сделались бессмертными, подобно Нам самим“.

\* \* \*

Оставим теперь в стороне бесспорную часть этого мифа и обратим внимание на его истинное значение, которое не может иметь двух толкований. Смысл мифа ясен: человек эмансипировался; он отделился от животного мира и сделался человеком: актом послушания и познания, т. е. возмущением и мыслением, он начал свою отдельную человеческую историю и свое человеческое развитие.

Система идеалистов совершенно противоположна этой. Она включает в себе отрицание всего человеческого опыта и того всеобщего здравого смысла, который является первоисточником всякого человеческого познания и который, исходя из простой и давно признанной истины, что дважды два — четыре, подымается

до самых возвышенных и сложных научных построений и, отбросив все непроверенное наблюдением и опытом, является повторяю, единственным серьезным основанием человеческого знания.

Постепенно развитие материального мира, так же, как органической и животной жизни и исторически прогрессирующего разума и в отдельных индивидах, и в человеческом обществе, вполне понятно. Это совершенно естественная эволюция от простого к сложному, от низшего к высшему; эволюция, согласная со всем нашим ежедневным опытом, и следовательно согласная и с законами нашего рассудка, который, образовавшись и развившись только при помощи этих самых опытов, есть их логический продукт.

Идеалисты же, вместо того, чтобы руководствуясь опытом природы, следовать от низшего к высшему, от простого к сложному, от мира, называемого неорганическим, к миру органическому, растительному, животному, а затем человеческому, от материи, как химического элемента к материи, как живому существу, от живого существа к существу мыслящему, — идеалисты, ослепленные, одержимые и руководимые божественным фантомом, унаследованным ими от теологов, идут как раз обратной дорогой. Они идут от высшего к низшему, от сложного к простому. Они начинают с Бога, как личности или божественной субстанции, и первый шаг, который они делают, есть страшное падение с высот вечной идеи в ничтожество материального мира; от абсолютного совершенства к абсолютному несовершенству; от мысли к материи, от высшего существа к ничточеству. Когда, как и почему божественное существо, вечное, бесконечное, абсолютно совершенное, вероятно надоевшее самому себе, решилось на этот отчаянный сальтоморtale, — этого ни один идеалист, ни один теолог, ни один метафизик, ни один поэт никогда не были способны понять сами и объяснить профанам. Все религии, прошлые и настоящие, и все системы трансцендентальной философии вертятся на этой един

ственной и предательской тайне. \*) Святые люди, вдохновенные законодатели, пророки, миссии и проч. посвящали всю свою жизнь последованию этой тайны и находили только мучения и смерть. Подобно древнему сфинксу, она пожирала их, потому что они не могли разгадать ее. Великие философы, начиная с Гераклита и Платона и кончая Декартом, Спинозой, Лейбницем, Кантом, Фихте, Шиллингом и Гегелем, не говоря уже об индусских философах, написали кучи томов и построили системы настолько же возвышенные, настолько и остроумные, в которых они мимоходом высказывали многие великие и прекрасные вещи и раскрывали бессмертные истины, но все они оставили эту тайну, главный предмет их трансцендентных исследований, такою же непостижимой, какою она была и раньше. Гигантские усилия самых замечательных гениев, каких только знал мир, предпринимавших один за другим в течение, по крайней мере, тридцати столетий снова и снова этот Сизифов труд, в результате привели к тому, что эта тайна сделалась еще более непостижимой. Можно ли надеяться, что она будет вам открыта рутинными размышлениями какого-нибудь эпигона гальванизированных метафизиков в наши дни, когда все здоровые и глубокие умы отрясли от ног прах этой подозрительной науки, рожденной от незаконного сожителства неразумной веры с трезвым научным разумом?

\* \* \*

Очевидно, что эта ужасная тайна необъяснима, иначе говоря, нелена, так как только абсурд не допускает объяснений. Очевидно, что тот, кто находит ее сущес-

\*) Я называю эту тайну сотворение, грехопадение и искупление человека—предательской потому, что она была и продолжает быть санкцией для всех ужасов, которые совершались и совершаются в мире; и называю ее предательской потому, что все другие теологические и метафизические позаности, упирающиеся человеческий разум—не что иное как ее необходимые последствия.

твенной для своей жизни и счастья, должен отречься от здравого рассудка и возвратиться, если он может, к слепой, наивной неразумной вере, чтобы повторять вместе с Тертуллианом и другими верующими фразу, в которой заключается самая квинт-эссенция теологии: „Credo quia absurdum“.

Тогда всякие споры прекращаются, и не остается ничего кроме торжествующей глупости. Но тотчас же встает другой вопрос: каким образом интеллигентный и хорошо образованный человек может чувствовать потребность верить в эту тайну?

Нет ничего удивительного в том, что вера в Бога, творца, распорядителя, судью и хозяина, то проклинающего мир, то изливающего на него свои благодеяния, — господствует среди народа, особенно в глухой провинции, где она распространена несравненно больше, чем среди городского пролетариата. К несчастью, народ все еще очень невежествен, благодаря систематическим усилиям всех правительств, не без основания полагающих, что невежество масс — одно из главных условий их власти. Обремененный ежедневной работой, лишенный досуга, разумной беседы, чтения, словом, всех средств и побуждений, развивающих в человеке мышление, — народ обыкновенно принимает религиозные традиции без всякой критики, оптом. Эти традиции окружают его с детства во всех обстоятельствах жизни и, искусственно поддерживаемые в умах множеством официальных отравителей всякого рода, духовных и светских, обращаются в привычку, часто гораздо более могущественную, чем здравый смысл.

Есть и другая причина, которая объясняет в некоторой степени оправдывает нелепые верования народа, а именно: тяжелое положение, на которое народ осужден экономическим строем общества даже в наиболее культурных странах Европы. Доведенный до минимума человеческой жизни в своих потребностях интеллектуальных и моральных так же, как и в материальных, стесненный в своей жизни, как узник в